6. ВОЗ: Через несколько месяцев мир может накрыть вторая волна коронавируса // [Электронный ресурс] Официальный сайт Российской Газеты URL: <https://rg.ru/2020/05/25/voz-cherez-neskolko-mesiacev-mir-mozhet-nakryt-vtoraia-volna-koronavirusa.html> (дата обращения 25.05.2020).
7. Этапы составления стратегии развития // [Электронный ресурс] ВикиЧтение URL: <https://econ.wikireading.ru/64596> (дата обращения 10.05.2020).
8. Рецессия в России становится неизбежной // [Электронный ресурс] Официальный сайт Независимой Газеты URL: http://www.ng.ru/economics/2020-03-29/1_7829_prediction.html (дата обращения 10.05.2020).
9. Первая форсайт-сессия // [Электронный ресурс] Официальный сайт Кузбасской государственной сельхоз академии URL: <http://www.ksai.ru/content/1/read6992.html> (дата обращения 19.05.2020)

Корель Л.В., Павлюк Е.А.

Федеральная промышленная политика России в сетях социальных сил инерции

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
(Россия, Новосибирск)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-166

idsp: ljjournal-06-2020-166

Аннотация

Раскрывается проблема дискурсов при оценке Федеральной промышленной политики. Проверяется гипотеза о консервации и пролонгации во времени социально-экономических коллизий и напряжений последних двух десятилетий между руководством российских региональных промышленных предприятий и Федеральным центром по поводу проводимой им (Центром) промышленной политики. Гипотеза нашла (1) теоретическое обоснование в идеях Д. Норта о консервирующей динамике социальных сил инерции и (2) эмпирическое подтверждение на материалах двух экспертных социологических опросов (2009, 2016гг.) руководителей ведущих промышленных предприятий г. Новосибирска – крупнейшем научном и промышленном мегаполисе страны.

Ключевые слова: Федеральная промышленная политика, дискурсы, руководители промышленных предприятий, экспертный опрос, модернизация, коллизии, гипотезы.

Abstract

The problem of discourses in assessing the Federal Industrial Policy is revealed. The hypothesis of conservation and prolongation over time of socio-economic conflicts and tensions of the last two decades between the leadership of Russian regional industrial enterprises and the Federal Center regarding the industrial policy pursued by him (the Center) is being tested. The hypothesis found (1) a theoretical justification in D. North's ideas about the preserving dynamics of social forces of inertia and (2) empirical confirmation on the materials of two expert sociological surveys (2009, 2016) of the heads of leading industrial enterprises of Novosibirsk, the country's largest scientific and industrial metropolis.

Keywords: Federal Industrial Policy, discourses, heads of industrial enterprises, expert survey, modernization, conflicts, hypotheses.

1. О федеральной промышленной политике и темпах роста промышленного производства в России

1. В федеральной промышленной политике (ФПП) России выделяются два дискурса, акцентирующие различные, но сопряженные, предметные (и проблемные) стороны, казалось бы, единой ФПП. В рамках первого (условно назовём его «структурно-институциональным» или «холистическим») ФПП – это система действий государства как института, призванная в условиях рынка отслеживать и содействовать купированию опасных асимметрий, диссонансов и провалов в

архитектонике, структуре и функционировании экономики промышленности страны в целом. Осуществлять в отношении её постоянную «терапию сопровождения» посредством «оздоравливающих эффектов» структурно-институциональных преобразований рыночной среды. [1, 13, 16 и др.].

Здесь хотелось бы отметить стабильную бедность, ограниченность архитектуры ФПП. Фактическое доминирование, первичность техноцентристского и экономического подходов в ущерб и за счёт лишь номинально (и фрагментарно) декларируемых факторов социокультуры (актуализированных фундаментальными трудами Вебера, Сорокина, Фукуямы и др.) – социоцентристского и человекоцентристского дискурсов. Остро востребованных и когерентных цивилизационным вызовам XXI века, однако отсутствующих в реальных практиках и институтах российской ФПП.

Акцентируя внимание на промышленности, законотворцы действуют по нескольким направлениям, включая диапазон от узкой защиты сотрудников предприятия до широкомасштабной финансовой поддержки предприятий и отраслей на федеральном уровне. В тоже время анализ постановлений Правительства РФ в период с 2000 по 2018 год, выявил опасный тренд – наиболее многочисленная категория постановлений, относится исключительно к финансовой проблематике – финансированию промышленных предприятий, их субсидиарной поддержке и кредитованию. Она составляет более шестидесяти процентов всех федеральных постановлений правительства в сфере промышленности, насчитывая 226 постановлений за обозначенный период. При том, что следующая за ней сфера – инновационно-технологическая – составляет лишь тридцать один процент от общего массива (112 постановлений из 355). (Таблица 1) [8]

Таблица 1

Предметное содержание правительственных постановлений и указов по Федеральной промышленной политике в России в 2000-2018 гг., % (355 постановлений за расчетный период).

Финансово-экономическая составляющая (226 постановлений)	Инновационно-технологическая составляющая (112 постановлений)	Человеческий капитал (условия его формирования, функционирования и существования) (17 постановлений)
63,6	31,5	4,7

Столь явный акцент на поддержке именно экономической (субсидиарной) стороны развития промышленности, говорит о «закостенелости», подверженности старой, инерционной, не восприимчивой к веяниям нового времени, политике.

В рамках второго дискурса (назовём его «хозяйствующие субъекты») ФПП – это, прежде всего, система действий государства, направленная на формирование благоприятной рыночной среды для эффективной стратегии поведения хозяйствующих субъектов – предприятий, корпораций, промышленных платформ и т.д. – в ходе их адаптации и интеграции в реалии, контексты и вызовы VI-го и VII-го технологических укладов, закладывающих базу Четвёртой промышленной революции. При этом в качестве главного творца и когнитивного ресурса этих укладов номинируется человеческий капитал. [11, 12, 15 и др.]

В противовес столь многочисленным и весомым категориям финансовой и технологической составляющей весьма бедно смотрится картина численности правительственных постановлений, касающихся декларируемого приоритета – человеческого капитала. Из всего массива постановлений лишь 17 относятся непосредственно к этой категории (Диаграмма 1). Человек, человеческий капитал, являющийся основой любого производства, по факту, остается не у дел, получая катастрофически мало действительного внимания. Де-факто, сосредоточившись на

материальном и техническом обеспечении промышленности, Центр выпускает из поля зрения самую главную производительную, когнитивную силу – человека.

Диаграмма 1

Решения, принимаемые Федеральным центром в рамках и по поводу ФПП, а также её результаты, широко освещаются и оцениваются в информационных источниках как научного, так и общественно-политического профиля. Ряд ученых, политиков и практиков высказывают убеждение, что, несмотря на активную работу над ФПП как важнейшим национальным проектом, степень ее результативности можно поставить под сомнение. [2, 5, 7 и др.].

Российская промышленность, по экспертным оценкам специалистов, представляет сегодня хаотический набор преимущественно устаревших технологических укладов, где предприятия III и IV укладов составляют до 85%, а производственные системы VI уклада, по сути, единичны. Оценка же самой ФПП в медийном пространстве науки и практиков колеблется по большей части в диапазоне между определениями: «удовлетворительная – провальная».

Такого рода суждения подкрепляют и статистические данные. Например, показатель динамики прироста промышленного производства. Весьма противоречивые его тренды конца 10-ых годов XXI века, сменила сначала устойчиво негативная динамика в 2010-2013гг., а затем – слабо позитивная в 2014-2019гг., стабильно колеблющаяся в диапазоне весьма скромных значений. (Из неё выпадает провальный «санкционный» 2015 г., имеющий отрицательное значение прироста). Отметим, что разные статистические источники дают несколько расходящиеся данные за период 2014-2017гг., однако это принципиально не меняет общей тревожной картины состояния дел. (Таблица 2.) [6, 14]

Таблица 2.

Динамика промышленного производства в Российской Федерации в 2007-2019гг., темп прироста к предыдущему году, %.

2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
6.8	0.6	-10.7	7.3	5.0	3.4	0.4	2.5 (1.7)	-0.8 (-0.8)	2.3 (1.3)	2.1 (1.0)	2.9	2.6

Одновременно опасный тренд демонстрирует и показатель динамики выпуска высокотехнологичных обрабатывающих видов деятельности (производство компьютеров, электронных оптических изделий, летательных, в том числе космических

аппаратов и соответствующего оборудования, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях). Соответствующая статистика ведётся с 2016г., в котором был зафиксирован прирост в 19.1%., относительно предыдущего года. Однако в 2017г. темп прироста замедлился до 5%, а в 2018 г. перешел уже в область отрицательных значений (- 4.9%). В июне же 2019г. «первое полугодие завершилось еще более существенным сокращением выпуска данной группы обрабатывающих производств по отношению к соответствующему периоду 2018 года». [6]

Такое состояние дел актуализирует проблему широкого обсуждения и корректировки идеологических, концептуальных, юридических и практических основ ФПП среди ученых и бизнесменов, правительственных и профсоюзных чиновников, рядовых работников промышленности и т.д. Особый интерес представляет в этой связи экспертный взгляд действующих промышленных элит на коллизии современной ФПП, её изъяны и положительные стороны, поскольку именно представители данной группы являются, с одной стороны, наиболее высококвалифицированными специалистами-профессионалами в данной области, с другой – прямыми непосредственными «пользователями» и «потребителями» этой самой ФПП.

Целью данной работы явилось выявление особенностей визуализации (представление, «перекодировка», перевод когнитивных образов, оценок, мнений, суждений из сферы невидимого в видимое) современными промышленными элитами (директорами, их заместителями) той части проблем и коллизий руководимых ими промышленных предприятий, которая предметно связана, во-первых, с уровнем модернизированности предприятий, их диспозиций в иерархии технологических укладов, во-вторых, с действующей федеральной промышленной политикой России, декларирующей идеи модернизации, технологических инноваций, новой индустриализации и пр., её способностью решать актуальные проблемы промышленного развития страны в первые два десятилетия XXI века. Особый акцент сделан на устойчивости такого рода визуализации во времени (2009, 2016гг.).

Проект базируется на двух социологических обследованиях:

1. Экспертного опроса руководителей предприятий г.Новосибирска по широкому кругу вопросов, в том числе модернизации промышленного сектора экономики страны и их конкретного предприятия в частности. Опрос проходил в 2009г. Анкеты были разосланы 40 крупнейшим *промышленным* предприятиям города. Заполненной вернулась 21 анкета, т.е. реально обследование охватило примерно десятую часть промышленных предприятий г. Новосибирска; число работающих на одном предприятии в среднем составило 1086 чел.

2. Аналогичное обследование проводилось в 2016г. Анкета эксперта была разослана руководителям 194 предприятий г.Новосибирска. Заполненными были возвращены 33 анкеты, т.е. 16% от всей совокупности (что, учитывая сверхзанятость экспертов и саму специфику такого метода как «почтовый опрос», является достаточно хорошим результатом). В опросе приняли участие, в том числе, крупнейшие в городе предприятия-бренды России. Среднесписочная численность работающих в среднем по предприятиям – 608 чел. В обоих обследованиях экспертам гарантировалась анонимность. Следует отметить, что выборочные совокупности предприятий, попавших в обследования, различаются по составу и по объёму (2009 г., число предприятий – 21 и 2016 г., их число – 33). Лишь три четверти предприятий, участвующих в обследовании 2009г., повторно вошли в список вновь обследованных предприятий в 2016г. и составили его половину. (Снижение среднесписочной численности работающих вызвано подключением к обследованию ряда новых формирующихся предприятий инновационного профиля). Руководители предприятий,

к сожалению, труднодоступный для социологии контингент, обеспечить же строгую сопоставимость данных во времени – сложная задача.

В нашем проекте задействована универсальная теоретическая модель дискурса-анализа, в рамках которой дискурсы рассматриваются как «способы общения и понимания социального мира, конкурирующие между собой за придание социальному миру определенных значений. Дискурсы постоянно вовлечены в борьбу за достижение превосходства» [19]. Поэтому «центральное понятие» данной теории – «борьба дискурсов» [18]. В нашем исследовании дискурс – это смыслы, отношения, оценки, образы Федеральной промышленной политики России, являющиеся продуктом социальной рефлексии директоров (их заместителей) крупных промышленных предприятий, и зафиксированные в их ответах на открытые вопросы специального раздела социологической анкеты в режиме самозаполнения. Дискурс в нашем случае – это сложная сеть связей: текста вопроса анкеты с контекстом эксперта. Во-первых, связи эти актуализируются в зависимости от ситуации. Во-вторых, от его (эксперта) собственного психологического, культурного, производственного, социального контекста зависит, каков его дискурс в отношении ФПП.

Исходной концептуальной посылкой авторов является экономико-социологическая концепция многовекторной природы промышленного предприятия, как и промышленного сектора экономики в целом, включающих – технологическую, производственную, экономическую, организационно-управленческую, правовую, информационную, социальную, когнитивную, ментальную и др. подсистемы. В истории, в ходе модернизации, разворачивающейся в естественном режиме от стадии к стадии, т.е. снизу вверх, от простых практик и форм – к сложным, происходит не только смена технологических укладов в их узком толковании и смыслах. Одновременно осуществляется конгруэнтная им – сопутствующая или опережающая – поэтапная перестройка производственных, организационно-управленческих, информационных, социальных, культурных, ментальных подсистем. Одним из итогов её во времени становятся противоречивые, разноплановые процессы гуманизации трудовых взаимодействий, роста субъектности человека труда. Они пробивают себе дорогу с трудом и сопровождаются перманентной борьбой наёмного труда и капитала за свои интересы.

Так анализ взаимодействия субъектов договорных отношений на отечественных предприятиях даёт основание российским социологам утверждать, что «они находятся на раннекапиталистическом этапе институционализации. Для него характерно доминирование неформальных практик и спонтанных механизмов регуляции отношений между администрацией и работниками. Эти отношения развиваются на фоне мало ограниченной власти работодателя и высшего менеджмента, широких административных и хозяйственных возможностей предпринимателя и слабой защищенности наёмного работника». [3, 4]

Концепция многовекторного строения (архитектоники) промышленных предприятий делает актуальным, в свою очередь, многовекторное толкование их модернизационного процесса: не в узко-технологическом ключе, а в широком, с выделением всех его основных направлений (проекций, составляющих) – экономического, организационно-управленческого, правового, информационного, социального, когнитивного, ментального и др. А значит, по аналогии, разработка и презентация федеральной промышленной политики также должна осуществляться не в традиционном узко-технологическом ключе, а в современном объёмном представлении, предполагающем множественность её структурообразующих направлений, проекций, подсистем. Такого рода новация в подходе к архитектонике ФПП способна, на наш взгляд, существенным образом повысить её эффективность.

2. Обследуемые промышленные предприятия в силовом поле модернизации.

В ходе нашего обследования проверялась и нашла подтверждение гипотеза об асинхронности, рассогласованности внутренних подсистем и структур обследуемых промышленных предприятий – технологической, производственно-экономической, организационно-управленческой, информационной, социальной, когнитивной, ментальной, – их одновременном существовании как бы в разных, мало совместных (не конгруэнтных) стадиях развития. Одни из них отвечают критериям современности и идут в ногу с эпохами зрелого и позднего модернити, другие – запаздывают, отстают и, как бы, остаются в историческом прошлом. Это делает проблематичным шансы устойчивой модернизации (и новой индустриализации) промышленных предприятий вне зоны перманентных техногенных, экономических и социальных коллизий.

Приведенные ниже данные, являются результатом процедуры идентификации экспертами различных подсистем (пространств) руководимых ими предприятий, с точки зрения соответствия этих подсистем разным технологическим укладам.

В этой связи нашим экспертам как субъектам, обладающим навыками социальной рефлексии, было предложено ответить на следующий вопрос: «Оцените, пожалуйста, степень соответствия подсистем (подструктур) Вашего предприятия (технологической, производственной, организационно-управленческой и др.) разным стадиям технологического развития. Для этого следует в каждой позиции (их три) ниже следующей таблицы (в соответствие с числом выделенных подструктур предприятия – их семь) проставить необходимую цифру (%), означающую уровень «присутствия» характерных признаков данной стадии развития (ХПДСР) на Вашем предприятии. Сумма процентов по всем трем позициям каждой таблицы должна составлять 100%». (Таблица 3.)

Таблица 3.

Подсистемы промышленных предприятий и стадии их развития в экспертных оценках руководителей предприятий (средние значения по массивам предприятий)

I. Технологические стадии (совокупность техники и методов её использования)	Процент «присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	
	2009 г.	2016 г.
1. Преобладание конвейерного оборудования при сохранении оборудования станочного типа, а также физического труда при машинах и механизмах, использование в качестве энергоисточника нефти, газа, мазута, угля. И др. (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	65.8	40.0
2. Активное внедрение «высоких технологий»: электронных, микроэлектронных, химических, биологических (генная инженерия), лазерных и пр.; распространение новых информационных технологий, компьютеризация; атомная энергетика, ядерные, термоядерные источники энергии. И др. (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	26.7	55.6
3. Молекулярные, клеточные, ядерные, квантовые, нано-, био- и др. инновационные технологии, миниатюризация техники и оборудования, нанофотоника, микромеханика, приборо- и роботостроение, робототехника, биокомпьютерные системы и биомедицина. И др. (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)	7.5	4.4
И Т О Г О	100	100
II. Производственные стадии (характер производства на разных этапах развития общества)	Процент «присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	

1. Крупномасштабное конвейерное производство массовых стандартных товаров; человек – часть оборудования, к которому он приставлен; вытеснение из рабочего процесса мастерства, рутинная автоматизация «вымывает золото из голов рабочих», жесткое разграничение и нормирование труда (фордизм); потребительское отношение к природе (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	40.8	39.0
2. Гибкое оборудование, программируемое при помощи новых технологий, компьютеризация рабочих процессов, обеспечивают возможность работнику создавать разнообразный широкий ассортимент продуктов, легко менять их дизайн, переключаться с производства одного продукта на другой (постфордизм). Эргономичность трудового процесса и развертывание процессов экологизации производства; станки с программным управлением автоматически останавливаются при возникновении сбоя, что способствует сохранению ресурсов. Актуализация интеллектуальных ресурсов и способностей человека, индивидуализация труда (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	55.0	52.0
3. Безотходное экологическое производство, интеллектуализация, эстетизация и индивидуализация труда, человек приближен к ситуации, когда он является полноценным субъектом производственного процесса (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)	4.2	9.0
И Т О Г О	100	100
III. Стадии организационно-управленческого развития (доминирующие управленческие модели на разных исторических этапах)	Процент присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	
1. Жесткая вертикаль власти; принцип управления – авторитаризм. Внешний контроль и управление в противовес (находящимся в зачаточном состоянии) началам самоконтроля и самоуправления работника (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	56.0	42.0
2. Социальное партнерство, возрастание роли коллегиальных структур; принцип управления – руководство. Внешний контроль и управление остаются доминирующими, однако возрастает роль самоконтроля и самоуправления работника (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	35.2	48.0
3. Увеличение роли работников предприятия в принятии решений о стратегии его развития; принцип управления – согласование, самоуправление Доминирование процессов самоконтроля и самоуправления работника на внешним контролем и управлением. (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)	8.8	10.0
И Т О Г О	100	100
IV. Стадии информационного развития (характер и объёмы информационных потоков, циркуляция информации между служащими и подразделениями предприятия; степень осведомленности служащих о деятельности своего предприятия)	Процент «присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	
1. Ограниченные объёмы и скорость циркуляции информационных потоков о деятельности и статусных позициях предприятия. Узкий избирательный состав vip-потребителей информационных ресурсов, недоступность информации как эксклюзивного ресурса широкому кругу работников предприятия; отчуждение от информации (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	27.1	24.0
2. Увеличение объёмов и скорости циркуляции информационных потоков. Тенденция к демократизации получения и распространения информации. Отчуждение от информации уменьшается (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	34.5	43.0
3. Большие объёмы и высокая скорость циркуляции информационных потоков о деятельности и статусных позициях предприятия. Прозрачность и открытость информации о работе всех подразделений предприятия, кроме той, которая представляет коммерческую или промышленную тайну. Формирование информационных систем	38.4	33.0

управления предприятием (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)		
И Т О Г О	100	100
V. Стадии социального развития	Процент «присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	
1. Жесткая социальная структура, препятствующая свободной циркуляции групп по иерархической лестнице; эксплуатация наемного труда; отчуждение работника от процесса и результата труда, от возможности самореализации, от власти, от управления; минимум льгот и социальных гарантий (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	34.0	19.0
2. Гуманизация труда, развитие партнерских отношений, доверия; рост и расширение спектра социальных гарантий; социальная структура остаётся статусной, иерархической; однако начинается процесс её трансформации от вертикального типа к горизонтальному (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	41.8	54.0
3. Надежная система социальной защищенности работника, дальнейшая гуманизация труда, развитие партнерских отношений, рост доверия, минимизация социальной дистанции между управленческим и рядовым персоналом, социальная структура – функциональная, «сотовая» Понимание значимости работы как способа самореализации (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)	24.2	27.0
И Т О Г О	100	100
VI. Стадии когнитивного развития (уровень и количество знаний, способы и глубина познания)	Процент «присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	
1. Знание необходимо преимущественно для выполнения конкретной рабочей функции; отчуждение работника от процесса и возможности освоения широкого круга знаний (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	34.2	31.1
2. Осознание работниками и работодателями необходимости расширения и аккумуляции знаний в высоко конкурентной среде. Субъективные и объективные факторы освоения новых знаний ослабляют процессы отчуждения от знаний (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	40.3	53.4
3. Широкий объем знаний о мире, обществе, экономике, предприятии, его функциях, статусах и продуктах деятельности. Высокая мотивация к познанию и самопознанию (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)	25.5	15.5
И Т О Г О	100	100
VII. Стадии ментального развития (менталитета*)	Процент «присутствия» на предприятии ХПДС, (%)	
1. Окружающий мир и природа как средство для роста благосостояния. Сохранение религиозно-мифологического типа сознания, доставшегося от исторического прошлого, определяющую роль в формировании картины мира играет повседневная жизнь и мифы. Яркая аффективная окрашенность модели поведения и, одновременно, ограниченный спектр эмоциональных переживаний и красок. (IV-ой технологический уклад: 1930-1970 гг.)	32.4	36.1
2. Инвайроментализм – осознание исчерпаемости природных ресурсов и возможной экологической катастрофы, актуализация природоохранной политики. Определяющую роль в формировании картины мира играет наука. Рациональность как основа модели поведения. Актуализация поля эмоционального интеллекта (познание природы эмоций и возможностей их использования во благо высших духовных, социальных и пр. начал человека). Расширение и облагораживание палитры эмоциональных и эстетических переживаний, в том числе, в ходе производственных процессов (V-ый технологический уклад: 1970 -2010 гг.)	51.0	48.9
3. Природа как самоценность. Креативность, гармония, толерантность, ответственность, гуманизм, эмоциональный интеллект, эмпатия как	16.6	15.0

доминирующие элементы сознания человека. Когнитивно-, эмоционально- и эстетически обогащенная картина мира. Развитая рефлексия и саморефлексия обеспечивают высокую адаптивность человека к инновационным изменениям. (VI-ой технологический уклад: 2010-2050 гг.)		
ИТОГО	100	100

**) Менталитет – общий для членов группы или организации образ мышления людей, тип мировосприятия и осознания окружающего мира и себя, единообразная мировоззренческая матрица, позволяющие сходным образом воспринимать окружающую реальность, оценивать её и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами поведения, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга.*

Таким образом, гипотеза об асинхронности, рассогласованности внутренних подсистем (подструктур) обследуемых промышленных предприятий, их одновременном существовании как бы в разных технологических укладах, разным историческом времени нашла своё подтверждение. Это опасный феномен, продуцирующий неизбежные конфликтные ситуации, разбалансированность и сбои в их работе.

Выявлены общие для двух обследований результаты.

1. Очевиден драматичный отрыв значительной части подсистем предприятий от реалий XXI в. На его фоне обнаруживает себя в динамике устойчивая картина ярко выраженной рассогласованности и асимметричности модернизации разных подсистем предприятий. Одни из них, по оценкам экспертов, вырвались вперед и предстают наиболее модернизированными (например, информационное, когнитивное, социальное пространство, ИКС). В них присутствуют, хотя и в весьма скромных масштаба, признаки, соответствующие реалиям промышленного развития в передовых странах мира начала XXI в. (соответственно: 2009г. – 38.4; 25.5; 24.2% и 2016 г.– 33.0; 15.5; 27.0 %). Другие подсистемы – производственная, технологическая, организационно-управленческая, ПТУ – напротив, демонстрируют минимальные значения своей «причастности» к реалиям XXI в. (подструктуры информационного, когнитивного и социального пространства, соответственно, в 2009г. – 4.2; 7.5; 8.8% и в 2016г. – 8.8; 4.4; 10.0%), т.е. продолжают жить преимущественно в третьей четверти XX в. – не «своём» историческом времени.

Иными словами, согласно оценкам экспертов, на предприятиях существует ярко выраженный диссонанс между, с одной стороны, информационной, социальной и когнитивной, а с другой – производственной, технологической и организационно-управленческой подсистемами.

На наш взгляд, при очевидной важности всех трех вышеперечисленных подсистем, всё же особое звучание имеет сегодня проблема трансформации организационно-управленческой подсистемы промышленных предприятий в связи с переходом к новым промышленным укладам, предполагающим делегирование полномочий управления в руки рядовых сотрудников, так называемый, «апофеоз» знания вместо «должностной власти и, закрепленного иерархией, господства», отказ от «должностной привилегированности стратегического видения по отношению к непосредственно связанным с процессом опытным и профессиональным знанием». Такого рода тренды предъявляют новые требования к человеческому капиталу, и одновременно открывают перед ним новые возможности и горизонты для самореализации.

Работник на современном предприятии, по мнению экспертов, обладая удовлетворительными профессиональными компетенциями и интеллектом (когнитивность), демонстрируя, в определенных границах, присутствие позитивных социальных качеств (способность налаживать партнерские отношения, доверие),

сталкивается с проблемой устаревших технологий, отживших свой век производственных и управленческих социальных практик и отношений, что ведет к растрате впустую его креативных, созидательных ресурсов.

3. Федеральная промышленная политика как объект критики директорского корпуса промышленных предприятий

В данном случае наши авторские научные гипотезы носили альтернативный характер. Гипотеза №1 (позитивная) заключалась в предположении о смягчении и сужении во времени (в 2008-2016гг.) круга коллизий и напряжений между федеральной властью и руководством промышленных предприятий в связи и по поводу проводимой Центром промышленной политики (ФПП). В данном случае гипотеза опиралась на широко транслируемые программы, факты, практики, свидетельствующие о возрастающем внимании (переходящим в плоскость практических решений оперативного и стратегического характера) Федерального центра к проблеме прорывных инновационных технологий, новых источников устойчивого роста, прогрессивных структурных изменений в экономике страны и пр. Не заметить или отрицать их невозможно. Гипотеза №2 (негативная) имела альтернативный смысл и состояла в предположении консервации во времени социально-экономических коллизий между Федеральным центром, в лице управленческих элит, и руководством российских промышленных предприятий по поводу проводимой Центром промышленной политики. Данная гипотеза нашла теоретическое обоснование в идеях Д.Норта и базировалась на его двух взаимодополняющих утверждениях. Первое – провозглашает способность институциональной матрицы общества (её формальной и, главным образом, неформальной составляющих) к самоподдерживанию, создающему эффекты (а) «блокировки перемен», (б) консервирующей динамики «социальных сил инерции». Второе же – подчеркивает зависимость общества «от траектории предшествующего развития», рассматривая его как «ключ к аналитическому пониманию долгосрочных экономических изменений». [17]

В приложении к нашему сюжету эти положения означают ни что иное, как возможность и реальный результат «механического» перетекания во времени, укорененного в культуре, «старого бремени» негативно окрашенных социально-экономических практик, ментально-когнитивных конструкций и модусов, связанных с формированием и функционированием института федеральной промышленной политики, в новую реальность XXI века.

Именно этот феномен и был обнаружен (зафиксирован) нами в ходе сравнительного анализа результатов двух экспертных социологических опросов директоров (их заместителей) промышленных предприятий г.Новосибирска (2009-2016гг.). Остановимся на этом вопросе подробнее.

Во-первых, дискурс-анализ подтвердил, что наши эксперты занимают прежнюю острокритическую позицию в отношении ФПП, давая ей низкую оценку, несмотря на усиление внимания федерального центра к промышленной политике, выражающееся в росте числа программ, концепций, указов, постановлений, финансовых вливаний в отдельные сегменты промышленности и пр. Как показал анализ, эксперты дают в целом низкую оценку действующей федеральной промышленной политике, причем во времени недовольство ею нарастает. Так, если в 2009г. ответы типа «политики нет», «вместо политики есть случайный набор решений» высказало около половины экспертов (55 %), то в 2016г. – уже три четверти (74 %).

В целом ответы экспертов о негативных сторонах федеральной промышленной политики, данные в свободной форме, локализовались в обоих обследованиях в пространстве смыслов и коннотаций концептуальной направленности ФПП, её приоритетах, механизмах, эффективности, среднесрочных и долгосрочных последствий, барьерах и тормозах, группах интересов, сосредоточенных в зоне её формирования (и реализации), а также возможностях равного доступа к Центру

принятия решений заинтересованных сторон (отраслевых, столичных и региональных элит, директорского корпуса) и фактических «игроков-бенефициаров, устойчиво извлекающих максимальные выгоды от проводимой правительством ФПП.

Градус высокого напряжения устойчиво иллюстрируют во времени, например, ответы такого (и близкого им) содержания: «План, который провозгласило действующее правительство, как и ожидалось, носит поверхностный, лоскутный эклектичный характер; это – очередная дежурная правительственная бумага, демонстрирующая беспомощность нынешней власти в решении ключевых экономических проблем». «Западные санкции на промышленные предприятия не влияют: влияют тупоголовые чиновники со своими схоластическими идеями», «Нет политики, есть уничтожение промышленности», «Политики как таковой нет, одна схоластика. Хуже, чем в эпоху развитого социализма», «Далека от реалий жизни, витает в небесах!». «Какие могут быть недостатки того, что не существует?». [9, 10]

Во-вторых, устойчивая во времени, негативно окрашенная критическая позиция экспертов в отношении ФПП указывает на *неизменно высокий градус* энергии социального напряжения и коллизий между ключевыми агентами промышленной экономики – руководством региональных промышленных предприятий и Федеральной властью, – провоцируемый и вызываемый данной политикой. Перевод вышеозначенной энергии в поле согласований и конвенциональных договоренностей – первоочередная задача для агентов созидания ФПП.

В-третьих, общественные условия и социокультурные матрицы таковы, что, по мнению экспертов, ФПП «носит декларативный характер, не доведена до уровня действенных эффективных правовых, финансово-экономических механизмов», «выделяемые государством в рамках ФПП транши застревают «наверху», тонут в коррупционных схемах», господствует «засилье монополистов и бюрократии», «недоверие к бизнесу», «постоянное создание препятствий для модернизации предприятий» и пр. Эти негативные модусы уже три десятилетия, как минимум, сопровождают в российском экономическом поле любое начинание, связанное с распределением символических и материальных капиталов. Таково, в общих чертах, драматичное облако оценок и обстоятельств, формирующих остро критический настрой наших экспертов по отношению к проводимой Центром ФПП. Увы, современные директора предприятий лишены возможности (полноценных рычагов, инструментов) хоть какого-либо воздействия на управленческие элиты Центра.

Итак, семантическое поле высказываний, мнений, суждений, представлений экспертов позволило обнаружить и зафиксировать, на примере института федеральной промышленной политики, реальный эффект «механического» перетекания во времени «старого бремени» негативно окрашенных практик, ментально-когнитивных конструкций и модусов, укорененных в экономической культуре ещё позднесоветского общества, А позднее – обозначивших своё присутствие в наших экспертных опросах в первом (2009г.) и втором (2016г.) десятилетиях XXI в. Таким образом, нашла подтверждение гипотеза № 2.

Отдавая дань объективности, отметим, что в качестве положительных сторон федеральной промышленной политики небольшая часть экспертов называет финансовую поддержку государства: «Система госзаказов, грантов, конкурсов, обеспечивающих финансовые поступления», «Выделение средств государственного бюджета на целевые программы», «Субсидии на поддержку инвестиционных проектов по развитию производства импортозамещающей продукции», «Субсидии на возмещение части затрат, понесенных на уплату процентов по банковским кредитам для предприятий, оказывающих существенное влияние на отрасли промышленности и торговли», «Предоставление субсидий на новое оборудование, возмещение затрат на модернизацию», «Налоговые льготы» и пр. Отметим, по факту, что сам спектр мер

финансовой поддержки промышленных предприятий со стороны правительства России заметно расширился во времени 2009-2019гг., в том числе в связи с введением антироссийских санкций в 2015 году. Однако, к сожалению, поддержкой такого рода ФПП в основном и ограничивается. За бортом её внимания остаются (отсутствуют как таковые, анонсируются и забываются), многие актуальнейшие программы и направления. В том числе, например, расширенного воспроизводства человеческого капитала, качества трудовой жизни, совершенствования технологий управления и договорных отношений на промышленных предприятиях, поскольку они всё ещё тяготеют, как отмечалось выше, к раннекапиталистическому этапу институционализации, не обеспечивая в должной мере социальные гарантии и защиту интересов наёмного работника и др.

В заключении приведём глубокий аналитический вывод, обобщающего характера, сформулированный одним из наших экспертов: «Центральный недостаток промышленной политики – отсутствие системного подхода в лечении опасной разветвлённой общественно-экономической болезни, для которой характерны следующие симптомы (они же деформации): 1) импортообеспечение российского потребительского рынка, 2) импортооснащённость производства средств производства, 3) импортная подневольность российского рынка финансов, 4) импортоориентированная идеология (в головах элит), 5) импортозависимость науки (установки, приборы, материалы, реактивы и пр.). Эти деформации взаимозависимы и потому проблема должна решаться одновременно и согласованно во всех направлениях». По силам ли решение такой сложной системной интегральной проблемы нашей современной управленческой элите? По всей видимости, нет! А значит, безымянные, не персонифицированные творцы и созидатели провальных федеральных промышленных политик, не оглядываясь на оставленные ими «поля проигранных сражений», вновь сядут, безответственно и увлеченно писать уже другие помпезные неэффективные федеральные программы, сулящие «распил» очередных государственных средств. И всё же думается, что возможен и другой вариант прогноза. Например, пандемия вируса COVID-19 серьёзно затруднит их беззаботную жизнь по конструированию ФПП в рамках прежних застарелых коррупционных матриц, схем и лекал, абсолютно неприемлемых и нежизнеспособных в условиях новых глобальных вызовов XXI века. Старая команда авторов и бенефициаров ФПП под грузом репутационных издержек пойдет ко дну и не будет допущена к формированию её нового облика и эссенциалей. Остро встанет проблема притока в федеральную политику новых креативных когнитивных ресурсов, «новых управленческих элит», компетентных и заинтересованных в обновлении и развитии отечественного промышленного сектора экономики. Способных чувствовать, предугадывать и понимать реальность, расстановку социальных сил, слышать поступь истории, уметь вырабатывать быстрые и верные решения в ответ на глобальные вызовы времени. Новые обследования директорского корпуса промышленных предприятий сибирского мегаполиса в ближайшие 2021-2025гг., в качестве третьей временной точки наших обследований, видятся нам в данном свете весьма актуальными.

1. Бакашин, П.Е. (2015). Анализ закона «О промышленной политике Российской Федерации». Российское предпринимательство, 16(20), 3359-3368. [Bakashin, P.E. (2015). Analiz zakona «O promyshlennoj politike Rossijskoj Federacii». Rossijskoe predprinimatel'stvo, 16(20), 3359-3368. (In Russ)] doi: 10.18334/rp.16.20.1999
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Нужна ли России активная промышленная политика? /Е.В. Бодрова, В.В. Калинов //Наука. Мысль – №4 – 2016. – С. 160-165[Bodrova E.V., Kalinov V.V. Nuzhna li Rossii aktivnaja promyshlennaja politika? /E.V. Bodrova, V.V. Kalinov //Nauka. Mysl' – №4 – 2016. – S. 160-165 (In Russ)]

3. Бочаров В.Ю. Институционализация договорных трудовых отношений. Социология труда. – Под ред. В.А. Ядова, Санкт-Петербург: Наука. 2006. Стр.98-99. [Bocharov V.Ju. Institucionalizacija dogovornyh trudovyh otnoshenij. Sociologija truda. – Pod red. V.A. Jadova, Sankt-Peterburg: Nauka. 2006. Str.98-99. (In Russ)]
4. Бочаров В.Ю. Институционализация договорных трудовых отношениях на отечественных предприятиях // Социологические исследования, 2001, № 7. [Bocharov V.Ju. Institucionalizacija dogovornyh trudovyh otnoshenijah na otechestvennyh predpriyatijah // Sociologicheskie issledovaniya, 2001, № 7. (In Russ)]
5. Бухвальд Е.М., Бабкин А.В. Промышленная политика и приоритеты экономической безопасности в России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 4. С. 94—106. [Buhval'd E.M., Babkin A.V. Promyshlennaja politika i priority jekonomicheskoy bezopasnosti v Rossii // Vestn. Zabajkal. gos. un-ta. 2016. T. 22. № 4. S. 94—106. (In Russ)]
6. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, № 51, Динамика промышленного производства в России: опережающий рост добывающего сектора. – Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. – июль 2019. С.11; <https://ac.gov.ru/publication/a/23451.pdf>
7. Деев А.А., Соколов М.С. Проблемы реализации государственной промышленной политики России // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 5. — С. 585-596. [Deev A.A., Sokolov M.S. Problemy realizacii gosudarstvennoj promyshlennoj politiki Rossii // Rossijskoe predprinimatel'stvo. — 2016. — T. 17. — № 5. — S. 585-596. —(In Russ)] doi: 10.18334/rp.17.5.34987
8. Информационно-правовое обеспечение <http://ivo.garant.ru/>
9. Корель И.И., Павлюк Е.А., Корель Л.В., Кафидова Н.Е.
10. Инновационное развитие в интерьере реиндустриализации регионального пространства России. // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 1. – С. 167-190. [Korel' I.I., Pavljuk E.A., Korel' L.V., Kafidova N.E. Innovacionnoe razvitie v inter'ere reindustrializacii regional'nogo prostranstva Rossii. // Region: jekonomika i sociologija. – 2018. – № 1. – S. 167-190. (In Russ)] DOI: 10.15372/REG20180108
11. Корель Л.В., Комбаров В.Ю. Директора предприятий о государственной промышленной политике (результаты экспертного опроса) // Социологические исследования. 2010. №11 (319). С. 26-34 [Korel' L.V., Kombarov V.Ju. Direktora predpriyatij o gosudarstvennoj promyshlennoj politike (rezul'taty jekspertnogo oprosa) // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. №11 (319). S. 26-34 (In Russ)]
12. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Промышленность России: внешние факторы внутренней модернизации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – Санкт-Петербург, 2016. №1 – С. 126-133 [Kuznecov S.V., Mezhevich N.M. Promyshlennost' Rossii: vneshnie faktory vnutrennej modernizacii // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Jekonomicheskie nauki. – Sankt-Peterburg, 2016. №1 – S. 126-133 (In Russ)] DOI: 10.5862/JE.235. 12
13. Михалкина Е. А., Никитаева А. Ю. Молодежный рынок труда – системный импульс инновационного развития экономики // TERRA ECONOMICUS, 2016. Т. 14, № 3, с. 131-144. [Mihalkina E. A., Nikitaeva A. Ju. Molodezhnyj rynok truda – sistemnyj impul's innovacionnogo razvitija jekonomiki // TERRA ECONOMICUS, 2016. T. 14, № 3, s. 131-144. (In Russ)] DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-3-131-144
14. Орехова С.В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // Journal Of Economic Regulation. 2017. Т.8. №4. С. 6-19. [Orehova S.V. Tehnologicheskie platformy i novaja promyshlennaja politika v Rossii // Journal Of Economic Regulation. 2017. T.8. №4. С. 6-19. (In Russ)] DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.4.006-019
15. Прирост промышленного производства в РФ за 2008-2014гг. https://ic.pics.livejournal.com/f_husainov/16817596/331811/331811_original.jpg
16. Романова О.А. Промышленная политика как современный инструмент формирования экологически и социально дружелюбного пространства //Известия УГТУ. 2018. Вып. 2(50). С. 135-141. [Romanova O.A. Promyshlennaja politika kak sovremennyy instrument formirovanija jekologicheski i social'no družhestvennogo prostranstva //Izvestija UGGU. 2018. Vyp. 2(50). S. 135-141. (In Russ)] DOI 10.21440/2307-2091-2018-2-135-141
17. Симачев Ю., Кузык М., Кузнецов Б., Погребняк Е. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 6-23. [Simachev Ju., Kuzyk M., Kuznecov B., Pogrebnyak E. Rossija na puti k novoj tehnologicheskoy promyshlennoj politike: sredi manjashhih perspektiv i fatal'nyh lovushek // Forsajt. 2014. T. 8. № 4. S. 6-23. (In Russ)]
18. Douglass NORTH INSTITUTIONS, INSTITUTIONAL CHANGE AND ECONOMIC, CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS 1990. p.190
19. Giddens, Anthony (1984) The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press
20. Marianne W Jorgensen, Louise J Phillips Discourse Analysis as Theory and Method SAGE Publications Ltd; First edition (December 26, 2002) 230 pages ISBN-13: 978-0761971122